

Михаил Иванович Пыляев

Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России

*Часть сборника
Замечательные чудачки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы //Эксмо, Москва, 2008
ISBN: 978-5-699-26293-9
FB2: "M_Lenny", 2 июня 2011 года, version 1.0
UUID: 2c41909a-8d16-11e0-9959-47117d41cf4b
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Иванович Пыляев

Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадов в России (Старое житье)

«В блестящий век Екатерины эстетическая забава и наслаждения получили широкое развитие. Роскошь и великолепие ее общественных пиров и торжеств доходили до степени сказочного азиатского волшебства. Ряд таких блестящих празднеств начался с прибытием императрицы в Москву для коронования. Первый такой большой исторический праздник был назначен на шестой месяц по совершении коронации...»

М. И. Пыляев
Эпоха рыцарских каруселей
и аллегорических
маскарадов в России

Маскарад «Торжествующая Минерва». – Турниры на Царицыном лугу. – Маскарад в Царском Селе. – Празднество у Л.А. Нарышкина. – Великолепие праздников обер-камергера графа Л.Б. Шереметева. – Аллегорическое празднество по случаю мира с Портою. – Последний из каруселей на открытом воздухе. – «Сюрпризы» в Эрмитаже. – «Вольные дома». – Публичные маскарады

В блестящий век Екатерины эстетическая забава и наслаждения получили широкое развитие. Роскошь и великолепие ее общественных пиров и торжеств доходили до степени сказочного азиатского волшебства. Ряд таких блестящих празднеств начался с прибытием императрицы в Москву для коронации. Первый такой большой исторический праздник был назначен на шестой месяц по совершении коронации. За месяц до этого торжества появилась афиша, которою извещалось: «Сего месяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, т. е. в четверток, субботу и воскресенье, по улицам: Большой Немецкой, по обеим Басманным, по Мясницкой и Покровке, от 10-ти часов утра за поздни, будет ездить большой маскарад, названный „Торжествующая Минерва“, в котором изъявится гнусность пороков и слава добродетели. По возвращении оного к горам начнут кататься и на сделан-

ном на то театре представят народу разные игрища, пляски, комедии кукольные, фокус-покус и разные телодвижения, станут доставать деньги своим проворством охотники бегаться на лошадях и прочее; кто оное видеть желает, могут туда собираться и кататься с гор во всю неделю Масленицы, сутра и до ночи, в маске и без маски, кто как похочет, всякого звания люди».

Устройство маскарада стоило больших хлопот; программу, по приказанию императрицы, составлял известный первый русский актер Федор Григорьевич Волков (1729–1763), объяснительные стихи к программе сочинил М.М. Херасков, а хоры к маскараду написал А.П. Сумароков. Машины и другие аксессуарные вещи делал механик итальянец Бригонций.[1]

Всех действующих лиц в этом маскараде было более 4000 человек, двести огромных колесниц были везены запряженными в них от 12-ти до 24-х в каждой разубранными юлами. Это торжественное шествие уподоблялось бывшим в древности римским увеселениям.

Подробности этого маскарада описаны в

книжке, напечатанной в 1763 году в Москве при университете, с таким заглавием: «Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное бывшим маскарадом в Москве 1763 года, генваря (?) дня».[2] Маскарадное шествие открывалось предвозвестником торжества со свитою и разделено было на отделения. Пред каждым несли на богато украшенном шесте особенный знак. Первый знак был Момуса, или пересмешника, на нем были куклы и колокольчики с надписью «Упражнение малоумных», за ним следовал хор комической музыки, большие литавры и два знака Момусовых. Театры с кукольщиками, по сторонам двенадцать человек на деревянных конях с погремушками. Флейтчики и барабанчики в кольчугах. Далее ехали верхом Родомон, Забияка, храбрый дурак, за ним следовал паж, поддерживая его косу. После него служители Панталоновы, одетые в комическое платье, и Панталон – пустохваст в портшезе, который несли четыре человека. Потом шли служители глупого педанта, одетые скарамушами (?), следовала книгохранительница безумного вряля; далее шли дикари

с ассистентами, несли место для Арлекина; затем два человека вели быка с приделанными на груди рогами; на нем сидящий человек имел на груди оконницу и держал модель кругом вертящегося дома; перед ним двенадцать человек в шутовском платье, с дудками и погремешками. Эту группу программа объясняет так: «Мом, видя человека, смеялся, для чего боги не сделали ему на грудях окна, сквозь которое бы в его сердце можно было смотреть; быку смеялся, для чего боги не поставили ему на грудях рогов, и тем лишили его большей силы, а над домом смеялся, отчего не можно его, если у кого худой сосед, повернуть на другую сторону».

Момус с своею свитою заключал первое отделение маскарада. Второе отделение представлял Бахус; знак – козлиная голова и виноградные кисти; надпись – «Смех и бесстыдство».

Затем – пещера Пана, окруженная пляшущими и воющими нимфами; далее пляшущие сатиры и вакханки с виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами с виноградом.

Сатиры ехали на козлах, пересмеваемые бегущими за ними; двое подвигались на свиньях и двое с обезьянами. Колесница Бахуса, заложённая тиграми, и сатиры с тамбуринами и бряцалками; далее сатиры вели осла, на котором сидел пьяный Силен, поддерживаемый сатирами; наконец, пьяницы тащили сидящего на бочке толстого краснолицего откупщика; к его бочке были прикованы корчемники и шесть крючков. Затем следовали целовальники с мерками и насосами и две стойки с питьем, на которых сидели чумаки с гудками, балалайками, с рылями и вольтынками. Отделение Бахуса заключал хор пьяниц. Перед третьим отделением маскарада был знак с надписью «Действие злых сердец»; он представлял ястреба, терзающего голубя, паука, спускающегося на муху, кошачью голову с мышью в зубах и лисицу, давящую петуха. «Нестройный хор музыки, где музыканты наряжены в виде разных животных; забияки, борцы и кулачные бойцы окружают дискордию, или несогласие, бьются, борются, бегают с убийственными орудиями и три фурии с ними».

Четвертое отделение представляло «Обман»; на знаке была изображена маска, окруженная змеями, кроющимися в розах, с надписью «Пагубная прелесть»; за знаком шли цыгане и цыганки, пьющие, поющие и пляшущие колдуны, и ворожеи, и несколько дьяволов. В конце следовал обман в лице прожектеров и аферистов.

Пятое отделение было посвящено посрамлению невежества; на знаке изображены были черные сети, нетопырь и ослиная голова, надпись «Вред и непотребство». Хор представлял слепых, ведущих друг друга; четверо, держа замерзших змей, грели и отдували их. Невежество ехало на осле. Праздность и злословие сопровождала толпа ленивых.

Отделение шестое изображало «Мздоимство». На знаке было изображение гарпии, окруженной крапивой, крючками, денежными мешками и изломанными весами. Надпись гласила: «Всеобщая пагуба».

Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпчий-крючкотворец открывали шествие. Подьячие шли со знаменами, на которых написано было крупными литерами:

«Завтра». Несколько замаскированных длинными огромными крючьями тащили за собою зараженных акциденциею, т. е. взяточников, обвешанных крючками; поверенные и сочинители ябед шли с сетями, опутывая и стравливая идущих людей разного звания; хромая «Правда» тащилась на костылях с переломленными весами; сутяги и аферисты гнали ее, колотя в спину туго набитыми денежными мешками. Затем везли взятку, или акциденцию, сидящую на яйцах, из которых вылуплялись гарпии. Два друга Криво-суд-Обиралов и Взятколюбов-Обдиралов ехали, беседуя о взятках, при них состояли пакостники, которые рассыпали вокруг на пути крапивные семена. В конце за ними шли оборанные тяжущиеся с пустыми мешками, печально опустив головы.

Седьмое отделение изображало мир наизуворот, или «Превратный свет», на знаке виделось изображение летающих четвероногих зверей и человеческое лицо, обращенное вниз, надпись – «Непросвещенные разумы». Хор шел в развратном виде, с одеждой наизнанку, два шли задом; слуги в ливреях вез-

ли открытую карету, на которой разлеглась лошадь; вертопрахи-щеголи везли другую карету, с посаженною в ней обезьяною; несколько карлиц с трудом поспевали за великанами, за ними подвигалась люлька со спеленутым в ней стариком, которого кормил грудной мальчик. В другой люльке лежала старушка, играла в куклы и сосала рожок, а за нею присматривала маленькая девочка с розгою; затем везли свинью, покоящуюся на розах, за нею брел оркестр певцов и музыкантов, в котором действующие лица были поющий осел и козел, игравший на скрипке, при них состояло несколько лиц, одетых развратно, далее везли химеру, которую разрисовывали четыре плохих маляра и песнословили два рифмача, ехавшие на коровах; Диоген с фонарем в руке катился на бочке.

Гераклит и Демокрит, т. е. смех и горе, несли земной глобус, а за ними шесть странно одетых с ветряными мельницами представляли любителей празднословия.

Восьмое отделение глумилось над спесью, знак украшался павлиньим хвостом, окруженным нарциссами, а под ними зеркало с

отразившиеся в нем надутую харей с надписью: «Самолюбие без достоинств». Хор составляли рабы с трубачами и литаврщиками, за ними шли скороходы, лакеи, пажи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану спеси и окружая его.

Отделение девятое представляло «Мотовство и бедность с их свитами». На знаке виден был опрокинутый рог изобилия, из которого сыпалось золото, по сторонам – курящиеся кадила; надпись гласила: «Беспечность о добре». Хор шел в платьях, обшитых картами; два знамени были составлены из множества сшитых карт, потом шли рядом пиковый валет, король и дама, за ними трефовый валет, король и дама, после того червонные и бубновые фигуры карт. За ними следовала слепая фортуна, затем счастливые игроки и несчастные с растрепанными волосами, брели и двенадцать нищих с котомками. Затем еще толпа картежников и костырников, шестая замыкала колесница развращенной Венеры с сидящим возле нее Купидоном. К колеснице были прикованы гирляндами цветов несколько особ обоего пола, затем

шла «Роскошь» с мотами-ассистентами. Хор поющих бедняков и скупость со своими последователями, скрягами в характерных масках; четырнадцать кузнецов шли за скрягами с их инструментами, за ними подвигалась часть горы Этны, на которой Вулкан с циклопами ковал громовые стрелы на поражение пороков.

За этим отделением начиналось самое торжественное и великолепное шествие – маскарад; открывалось оно колесницей Юпитера-громовержца, и затем следовали персонажи, изображавшие Золотой век.

Впереди этой группы шел хор пастухов с флейтами, за ними следовали двенадцать пастушек и хор отроков с оливковыми ветвями, славя дни Золотого века и пришествие Астреи на землю. Двадцать четыре часа в одежде, блестящей золотом, окружали золотую колесницу, в которой Астрея призывала радость; вокруг нее теснились стихотворцы толпой, увенчанные лаврами, призывая мир и счастье на землю; далее появлялся целый Парнас с музами и колесница для Аполлона; потом шли земледельцы с их орудиями, нес-

ли мир в облаках, пожигающий военные орудия, затем шла группа Минервы с добродетелями; впереди были трубачи и литаврщики; за ними науки и искусства при торжественных звуках труб и литавр предшествовали колеснице добродетели, которую окружали маститые старцы в белой одежде и лавровых венках герои, прославленные историей, ехали на белых конях, за ними шли законодатели, философы. Хор отроков в белых одеждах, с зеленеющими ветвями, с венками на головах предшествовал на колеснице торжествующей Минервы. Над нею видна была Виктория (победа) и слава. Хоры и оркестры роговой музыки гремели:

*Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здесь,
Воздух и земля, и воды!
Веселитесь, народы,
Мать ваша, россы, вам,
Затворила Яна храм.
О Церера, и Помона, и прекрасная
Флора,
Получайте днесь,
Получайте здесь
Без препятств дар солнечного*

*взора!
О душевна красота,
Жизни сей утеха, жизни сей отра-
да,
Раствори врата
Храма своего, Паллада!*

Маскарадное шествие заключалось горой Дианы, озаренною лучезарными светилами.

Три дня двигался этот маскарад по московским улицам, собираясь на поле пред Аннинским дворцом или Головинским, против Немецкой слободы, за Яузою, и шел через всю слободу Басманную и возвращался по старой Басманной чрез мосты Елохов и Салтыков, к зимним горам, иллюминированным разноцветными фонарями. Несмотря на холодную погоду, все окна, балконы и крыши домов были покрыты любопытными,[3] и кроме того толпы народа провожали эту процессию.

Народ ликовал непритворною радостью, везде раздавались веселые песни, звук дудок, флейт, бой барабанов и т. д.

Вот что пели хоры, участвующие в процессии. Хор сатиров пел:

В сырны дни мы примечали,

Три дня и три ночи на рынке
Никого мы не встречали,
Кто б не коснулся хмеля крынке,
В сырны дни мы примечали.

Шум блистает,
Шаль мотает,
Дурь летает,
Хмель шатает,
Разум тает,
Зло хватает,
Наглы враки,
Сплетни, драки,
И грызутся как собаки,
Примиритесь!
Рыла жалейте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Не деритесь!

Хор пьяниц пел:

Двоенные водки, водки скляница!
О Бахус, О Бахус, горькой пьяница!
Просим, молим вас, Утешайте
нас,
Отечеству служим мы более
всех,
И более всех Достойны утех,

*Всяк час возвращаем кабацкой мы
сбор
Под вирь-вирь-вирь, дон-дон-дон,
протчи службы вздор.*

Хор к обману пел следующее:

*Пусть мошенник шарит, невели-
ко дело
Срезана мошонка, государство це-
ло,*

*Тал-лал, ла-ла, ра-ра!
Плуту он пара*

*К ябеде приказной устремлен до-
гадкой
Правду гонит люто крючкомтво-
рец гадкой*

*Тал-лал, ла-ла, ра-ра,
И плуту он пара*

*Откупщик усердной на Руси наро-
ду
В прибыль государству откупает
воду,*

Тал-лал и т. д.

*К общу благоденству кто прервет дороги,
Ежели приставить ко лбу только роги! Тал-лал и т. д.*

Хор невежества пел:

*То же все в ученой рожке,
То же в мудрой коже
Мы полезного желаем,
А на вред ученья лаем,
Прочь и аз, и буки
Прочь и все литеры из ряд!
Грамота, науки
Вышли в мир из ада.
Лучше жить без заботы,
Убегать работы.
Лучше есть, и пить, и спати,
Нежели в уме копати.
Трудны к тем хоромам
В гору от земли подъезды.
В коих астрономам
Пялиться на звезды.*

Хор к мздоимству пел:

*Если староста бездельник, так и земский плут,
И совсем они забыли, что ременной кнут.*

Взятки в жизни красота,
Слаще меда и сота:
Так-то крючоктворец мелит,
Как на взятки крючком целит;
Так-то староста богатой,
Сельской насыщаясь платой, —
Так их весь содом.
Крючоктворцев жена —
Такой же сатана!
А от эдакой наседки —
Таковые же и детки;
С ними тварьми одинаки
Батраки их и собаки:
Весь таков их дом.

Хор к превратному свету:

Приплыла к нам на берег собака,
Из заполненного моря,
Из-за холодного океана;
Прилетел оттоль и соловейка,
Спрашивал гостью приезжу,
За морем какие обряды,
Гостью приезжая отвечала:
Многое хулы там достойно,
Я бы рассказать то умела,
Если бы сатиры петь я смела,
А теперь я пети не желаю,
Только на пороки я полагаю;

Соловей, давай и оброки.
Просвищи заморские пороки –
свист
За морем хам-хам-хам-хам и т. д.

Хор к гордости исполнял:

Гордость и тщеславие выдумал
бес,
Шерин да берин, лис-тра-фа,
Фар-фар-фар, люди-ер-арцы,
Шинда-шиндара, трандру-тран-
дара,
Фар-фар-фар-фар и т. д.

Хор игроков голосил:

Подайте картежникам мило-
стинку;
Черви, бубны, вины, жлуди всех
нас разорили
И, лишив нас пропитанья, голодом
поморили.

Хор к Златому веку воспевал:

Блаженны времена настали
И истины лучом Россию облиста-
ли,
Подсолнечно, внемли!
Астрея на земли,

*Астрея во странах российских во-
дворилась,
Астрея воцарилась,
Рок щедрый рек:
Настани россам ты, златой же-
ланый век
И се струи российских рек,
Во удивление соседом,
Млеко текут и медом.*

Хор к Парнасу пел:

*Лейтесь, токи Ипокрены,
Вы с Парнасския горы,
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями.
Кои Греция пила,
И, имея на престоле,
Вы афинскую Богиню,
Будьте афиняне вы!..*

Государыня смотрела на маскарад, объезжая улицы Москвы в раззолоченной карете, запряженной в восемь красивых неаполитанских лошадей, с цветными кокардами на головах. Императрица сидела в алобархатном русском платье, унизанном крупным жемчу-

гом, с звездами на груди и в бриллиантовой диадеме на голове. За нею тянулся огромный поезд высоких тяжелых золотых карет с крыльцами по бокам, карет, очень похожих на веера, на низких колесах, в которых виднелись распудренные головы вельможных царедворцев, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотом или унизанные блестками с большими стальными или стеклянными пуговицами, пюсовые камзолы, лосиные чинчирри в обтяжку и т. д. В других осьмистекольных ландо виднелись роскошно одетые дамы в атласных робронтах и калишах на проволоке, в пышных полонезах, в глазетовых платьях и длиннохвостых робах с прорезами на боку, с фижмами или бочками, головы были также распудрены – прическа *a la la Valiere*, или палисадником, ноги в белых атласных башмаках стерлядкою (т. е. остроносые). Лакеи сзади карет стояли одетые турками или албанцами, были и настоящие арабы.

Отъезд императрицы в Москву на свою коронацию по отчетам полицейским потребовал на переезд до 19 000 лошадей и около 80 000 народа. Петербург на это время совер-

шенно делался пустым: на его улицах не было видно ни одной кареты, и даже улицы заросли травой.

В первые года царствования Екатерины в Петербурге часто происходили карусели или турниры на царицыном лугу. Этими играми императрица воскресала времена рыцарства.

Великолепная такая первая карусель была дана в Петербурге летом, в 1766 году, 18 июля. На эту карусель была выбита золотая медаль, на которой с одной стороны – изображение императрицы Екатерины II, с надписью: «Б.М. Екатерина II, императрица и самодержица всероссийская». На обороте представлено в отдалении ристалище, над которым парит орел с венком, а на первом плане гений, с надписью: «С Алфеевых на Невские брега». Вейдемейер говорит: «Богатство одежды, доспехи, панцири, драгоценные камни, красота женщин – все это представляло зрелище необыкновенное».

Участвовавшие в карусели были в костюмах разных народов и разделялись на четыре кадрили: славянскую, индийскую, римскую и турецкую. Над последними двумя началь-

ствовавали графы Григорий и Алексей Орловы. Церемониймейстер в французском платье носил на поясе шарф с золотою бахромою, и в конвое его были 1 унтер-офицер, 8 человек конных и 2 трубача. Для вспоможения дано ему восемь человек герольдов; каждый из них имел при себе четырех конных и одного трубача. При кавалерах особые люди несли дротики, значки; участвовавшие в турнирах выказывали свою ловкость, отрубая головы куклам, изображавшим мавров, и пронзая копьями тигров и кабанов, сделанных из картона. На места, назначенные для карусели, пускали по билетам. Две великолепные ложи были приготовлены – одна для императрицы, другая для великого князя. Судьи, в числе которых был главным фельдмаршал Миних, приехали в придворных каретах и вошли в свои ложи, причем играли трубы и литавры. Посреди карусельного места находилась трибуна, в которой присутствовал главный судья; он чрез трубачей давал сигнал к въезду и выезду карусельных кавалеров. Кроме него было 12 судей, записывавших число выигранных призов, сохранял ли рыцарь на лошади

должное положение, с правой ли ноги лошадь начинала скачку и не сбивалась ли с ноги. Позволено было и неизвестным кавалерам принимать участие в турнире, с тем однако, чтобы они избрали для себя девиз и знак, какой заблагорассудят, и чтобы при появлении своем извещали обер-шталмейстера императрицы о своем имени и фамилии с доказательством о дворянстве, а обер-шталмейстер ручался бы своею честью сохранить тайну ненарушимо, и никому оной без дозволения того кавалера не объявлять. Если неизвестный кавалер не хотел открыться и обер-шталмейстеру, то мог назвать кого-либо из знатных особ, присутствовавших на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

По окончании турнира судьи и кавалеры возвращались во дворец, кавалеры в особой зале ожидали назначенных призов; судьи присуждали их по большинству голосов, решительное определение делал главный судья. По окончании этого, обер-церемониймейстер со всеми герольдами вводил кадрили в залу для получения призов.

Фельдмаршал Миних как главный судья

произнес речь на французском языке; вот она в переводе:

«Знаменитые дамы и рыцари! Всем вам известно, что не проходит дня, ни минуты, когда бы не выразалось внимание ее императорского величества, нашей всемилостивейшей государыни, к умножению славы ее империи и благоденствия ее подданных вообще и в особенности к возвышению блеска ее дворянства. Сия несравненная монархиня назначила сей день, чтобы доставить случай избранному дворянству ее империи ознаменовать свое искусство в воинских упражнениях блистательной карусели, какой до сих пор еще в России не было видано. Кто не разделит со мной чувства удивления и благодарности, которые она так справедливо внушает своею благостною и прозорливостью материнскими. Знаменитые дамы и рыцари! Сии благородные упражнения выполнены вами достойным образом и так, что вы можете быть уверены в благоволении ее величества, его высочества цесаревича и во всеобщем одобрении».

Потом, обратясь к графине Бутурлиной, которой был присужден первый приз, он сказал: «По поручению ее величества, вам, милостивая государыня, должен я вручить первый приз, приобретенный ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобрение: позвольте, милостивая государыня, мне первому принести поздравление с сим почетным отличием, доставляющим вам право на раздачу из рук ваших прочих заслуженных призов».

В 1770 году во время приезда принца Генриха, брата короля Прусского, императрица Екатерина II всячески старалась сделать его пребывание в Петербурге приятным. При дворе почти ежедневно были даваемы праздники; особенно был замечателен маскарад, данный для него в Царском Селе: императрица, великий князь, принц Генрих и разные придворные особы, числом шестнадцать, сели, когда смерклось, в огромные сани, запряженные шестнадцатью лошадьми, и поехали из Петербурга в Царское Село; сани были внутри и снаружи; обставлены двойными зеркалами, отражавшими все бесценные предметы внут-

ри и снаружи; за этими санями следовало более двух тысяч других саней; сидящие в них все были замаскированы и одеты в домино. В семи верстах от Петербурга они проехали сквозь большие триумфальные ворота, великолепно освещенные. Затем на пути чрез каждые семь верст стояла пирамида, искусно иллюминированная, и противнее гостиница; в каждой из них сидели люди различных наций, которые плясали и играли на инструментах. На Пулковской горе был представлен Везувий, извергавший пламя, — это извержение продолжалось во всю ночь. От Пулковской горы до Царского Села стояли деревья, на которых висели разноцветные фонари в виде гирлянд; по прибытии в Царское Село дворец был освещен a giorno (как днем); после танцев по выстрелу из пушки бал прекратился, вместе с ним погасли и все огни во дворце; затем все стали у окон и увидели великолепный фейерверк. Новый пушечный выстрел дал сигнал, и моментально опять загорелся дворец; затем последовал роскошный ужин. Принц Генрих после этого бала отправился в Москву и прибыл туда с изуми-

тельною быстротою – в 36 часов!

Не менее торжественными и богатыми бывали маскарады и другие празднества, которые давали в честь императрицы богатые вельможи ее царствования. Так, известный Л.А. Нарышкин дал для Екатерины маскарад, стоивший ему более 300 тыс. руб. Описание этого маскарада мы берем из прибавления к № 85 «Московских ведомостей» 1772 года.

«29-го июля 1772 года Л.А. Нарышкин всеподданнейше просил государыню Екатерину II удостоить высочайшим присутствием своим его приморский дом, именуемый Левендаль, где в роще предназначил он быть маскараду и представлению увеселительных огней, на что, получа высочайшее благоволение, старался заблаговременно пригласить чрез билеты как чужестранных министров и знатных особ обоего пола, так и именитое купечество. По приглашению в 3 часа пополудни как благородство, так и гражданство в великом множестве начали собираться, и прежде 6 часов вся роща наполнена уже была народом, гуляющим между деревьев и с приятностию взирающим на различие предме-

тов, вкуса услаждающих. Одни с удивлением смотрели на дома и беседки, по вкусу и образцу китайцев состроенные, другие, входя в рощу, читали на разных языках изображенное на доске от хозяина дозволение в следующей раз. „Хозяин здешнего дому весьма будет рад, если приезжие пожелают посещать сие место своим гуляньем, когда угодно“. Некоторые осматривали места, испещренные всякого рода цветами, кустами различных растений, иные восхищались изгибистым течением речки, протяжением островов, дикостью буераков, безразмерным ведением дорог, непрозрачною густотою леса, мрачностью пещер, возвышением при удолиях гор и другими привлекающими внимание явлениями. Между тем при наступлении семи часов изволили прибыть из Петербурга императрица с его высочеством и со всего двора своего свитою. При приближении императрицы к даче играла музыка на трубах и литаврах в горней китайской беседке, стоящей при входе в рощу. При приезде государыня вошла в покои хозяина, затем изволила пойти в провожании домохозяина в рощу, куда вскоре после-

довал и цесаревич. Звук разной музыки раздавался по всей роще, и каждое оной место украшено было особливового рода увеселениями. Остров, где находятся качели и другие игры, наполнен был представлением разных забавных игр и позорищ. Государыня, пройдя это место по излучистой дорожке, обсаженной кустами и деревьями, незаметно пришла в густоту дремучего леса, внутри которого находилась глубокая пещера, мохом и дерном обросшая; цветы и плоды, служащие пищею и увеселением пустынных жителей, находятся на поверхности оной. При осмотре всего императрица вдруг услышала голос пастушьих свирелей. Следуя сему эху, нечувствительно приближалась к холму, покрытому лесом и испещренному цветами, наверху коего стояла пастушья хижина; под нею на пологости горы видны были пастухи, стерегущие овец, и пастушки, упражняющиеся в собирании цветов для украшения хижины своей, но как только увидели они императрицу, вдруг музыка умолкла, и две первенствующие пастушки, Филлида и Лиза (это были дочери Нарышкина – Наталья и Екатерина), будучи оде-

ты в простое, но приятное пастушье платье, и держа в руках увитые цветами посохи, разговаривали с собою о прибытии столь драгоценной гостьи и спешили на дол для приглашения ее в свою хижину. Ее величество изволила сидеть у подошвы горы, сев, на сделанной из дерну скамейке, и, вняв усердному сих пастушек прошению, благоволила к хижине их воспрять путь, который усыпали они благовонными и прекрасными цветами. Но не меньше их, как и всех зрителей, было удивление, как гора, к которой государыня подходила, вдруг расступилась, и вместо хижины открылся огромный и великолепный храм победы, состроенный о двух жильях, для входу в который сооружены были крыльца; при дверях каждого входа стояли истуканы, представляющие победы, на море и на сухом пути торжественным оружием императрицы одержанные. В середине сводов был виден орел с распростертыми крыльями, у коего на груди было вензелевое имя императрицы, а в когтях свиток с надписью: „Екатерине II победительнице“.

Сей храм окружали два перехода, напол-

ненные вооруженными ратниками. Вид оружий и звук военной музыки взору и слуху приятнейшее представляли зрелище. Столпы, увитые лаврами, пальмы и трофеи, поставленные всюду, услаждали очи каждого. Глава храма украшена огненными сосудами. Слава, стоящая на поверхности, трубою своею возглашала Вселенной торжество победоносных оружий императрицы.

Гений победы (Дмитрий Львович Нарышкин), вышед для сретения государыни при входе в храм, из ее руках сплетенный из лавра венец, подавал оный государыне, изъявив причиной произнесенною перед нею речью, которая купно с речьми пастушек и с планом храма особою книжкою напечатана на французском языке, и с планами храма и горы дана была присутствующим тут зрителям. Лишь только императрица изволила вступить в храм, украшенный трофеями, завоеванными у турок и татар, как по выстрелу из пушки картины, представлявшие трофеи, превратились в изображения побед, которых содержание было следующее: 1-я картина представляет взятие Хоти на 9-го сентября

1769 года. Над городом и войском окруженное сиянием божество держит надпись: «Супротивление было бы тщетно»; 2-я картина – сражение при реке Ларге 7-го июля 1770 года. Здесь сидящая на облаках Слава гласит тако: «Не сим одним окончится»; 3-я картина – сражение и победа при реке Кагуле, 21-го июля 1770 года. Тут Минерва, взирающая со сводов небесных, на свитке держит сии слова: «Число преодолено храбростно»; четвертая картина – флот Оттоманский, сожженный и истребленный на архипелаге при Чесме, 24-го июня 1770 года. Тут виден на воздухе парящий орел и испускающий молнию со словами на свитке: «Небывалое исполнилось».

Пятая картина – взятие Бендер 16-го сентября 1770 года; здесь видится на тверди небесной, испещренной звездами, Беллона, мечущая на город стрелы, в одной руке горящий факел, а в другой держит хартию с сию надписью: «Что может постоять?». Шестая картина – покорение Кафы и всего Крыма 1771 года. На высоте зрится Слава, держащая в руках лавры для венчания российских героев. Крым, веселящийся владычеством премуд-

рыя обладательницы, изъявляет радость свою сими на свитке написанными словами: «Коль сладок ныне жребий мой». Осмотря все сие, государыня изволила пойти к так называемому «Китайскому урочищу», где построены дома, сады и птичники во вкусе китайском, наполненные птицами; служители домов этих, одетые китайцами, играли на разных китайских мусикийских орудиях. Между этими домами была воздвигнута из редких морских камней, раковин и окаменелостей горка; на площадках стояли высокие мачты, украшенные китайскими с колокольчиками пагодами и разнообразными флагами. Государыня, здесь отдохнув немного, пошла через маленький мостик в правую сторону роци, где слышен был раздающийся от рожков деревенских пастырей и пение ликующих поселян голос. Здесь, посреди леса, на лугу, видны были шалаши хлебопашцев, а немного подалее открылись их дома, огороженные плетнями и вмещающие в себе все, чем семейные и зажиточные крестьяне изобиловать могут. Любящие деревенское хозяйство с восхищением видели живое и наглядное представление здесь

деревни; любители полей, жатв и пчельников – каждый с удовольствием находил тут соответствующий своему вкусу предмет. Государыня оттуда пошла к площади храма, намощенной досками для танцев, которые тотчас и открылись при игрании в переходах храма огромной музыки. Государыня после пошла в верхние покои, где накрыт был великолепный вечерний стол, с кушанием и десертом из редчайших плодов нынешнего времени года на 80 персон, прочие же, коих было более 2000 лиц, угощаемы были по разным беседкам и покоям в роще, на нарочно устроенных столах, наполненных кушанием и питием. В это время проспекты, рощи, здания и все места, как и крыльца верхних покоев и ограда всего дома, освещены были налитыми воском глиняными и стеклянными сосудами и разноцветными слюдяными и другими фонарями.

По окончании ужина при реке, именуемой Красной, зажжен был фейерверк, коего щит представлял Астрею возвращающую Золотой век; в одной руке держала она весы равенства, а в другой – рог изобилия, внизу видны были пастухи, веселящиеся спокойно паст-

вою овец и удаляющиеся от них в виде фурий несогласия и раздоры; по сторании щита пущено вверх несколько тысяч ракет и увеселительных огненных шаров; причем зажжены и разные огнеметущие колеса, представлявшие глазам неприятнейшее зрелище. Ее величество и его высочество изволили сию огненную потеху смотреть из нарочно поставленного для сего на лугу намета, из которого лишь только изволили выйти, то открылось между дерев другое прозрачное огненное явление, представляющее в колеснице Феба, держащего в руках озаряющее всех пресветлыми лучами освещенное вензелевое имя императрицы, под которым внизу виден был образ престарелого индийского брамина, стоящего с благоговением между пальмовым и расцветающим алоевым деревом, и творящего воздеянием рук сему им обожаемому светилу поклонение. У корня одного из этих деревьев был изображен герб домохозяина. Когда это зрелище окончилось и все полагали, что оно последнее, как вдруг увидели еще освещенный сиянием среди перспективы мраморный столб, наверху которого виднелся

двоглавый орел, с вензелевым именем государыни, а внизу, на подножии, состроенном из дикого камня на медных досках, бронзовыми буквами была изображена следующая надпись: «Сей из обретенного в Сибири мрамора сделанный и от всещедрой государыни Екатерины Второй в дар полученный столб, в незабвенный знак к ее императорскому величеству благодарности на сем месте поставил Лев Нарышкин, лета, в кое российский флот прибыл в Морею и истребил турецкие морские силы». Наверху сего показалось приятнейшее зрелище восходящего солнца, лучами своими озаряющего всю рощу, так что если бы часы не показывали полуночи, то можно бы подумать, что наступил уже день. Некто из находившихся тут стихотворцев при открытии сего явления начертил карандашом следующую надпись:

*О новое, что видит здесь народ!
В необычайный час зрим солнечный
восход.
Конечно, Феб, узнав приход Екате-
рины,
Вознесся в полночь здесь, оставив-*

ши пучины,
И не хотя идти еще на твердь
небес,
Узреть ее предстал во Левендаль-
ский лес.
Блеск радостных огней собой усугубляя
И храм побед ее сияньем окружая,
Простря свои везде чистейшие лу-
чи,
Чем изъявил он тут пресветлый
день в ночи.
Монархиня! тебе круг солнечный
дивится,
Так дива ль, что народ твой, видя
зрак, чудится?

После осмотра всего этого императрица и ее двор отправились в храм, где продолжались танцы. Мрак, тихость и теплота ночи и приятность летней погоды соответствовала празднику. В час ночи его императорское высочество и в начале третьего часа государыня, изъявив хозяину свое удовольствие, изволили возвратиться в Петергоф, в четыре часа ночи и все гости, оказав хозяину благодарение, разъехались по домам. В заключение че-

го выпалено несколько раз из пушек, чем празднество сие окончилось».

По смерти этого Нарышкина, сын его Ал. Львович, удивлял Петербург тоже своими праздниками, подобия которых, как говорил фельетонист того времени, «находили только в повестях Востока, где многолюдные торжища Бассоры, Багдада, бывшие театром приключений забавных и вместе удивительных, могут непрерывным шумом, разнообразием картин, деятельным движением сравняться с подобными зрелищами, виденными у него на праздниках. Ал. Львович Нарышкин возобновил петербургские серенады, бывшие в большом употреблении в царствование императрицы Екатерины II. Перед домом его (Английская набережная), в продолжение почти трех летних месяцев, богатых светлыми ночами, с шести часов вечера до поздней ночи, разъезжали по Неве шлюпки с разного рода музыкою, роговою, духовою, хором певчих с рожками, бубнами и тарелками; набережная во время таких прогулок была покрыта народом. Этот Нарышкин был впоследствии очень хорошим директором театров; расточитель-

ность его не имела границ, и он частенько нуждался даже в небольших суммах.

Между вельможами века Екатерины также отличался широким гостеприимством и великолепием своих праздников обер-камергер граф Петр Борисович Шереметев. У него часто устраивались праздники, маскарады и спектакли, в которых участвовал и цесаревич. Особенно интересен был спектакль 21 февраля 1766 года, распорядителями которого были: директором – генерал-поручик граф Ив. Гр. Чернышев, указательницею мест – его жена, собирателем билетов граф Зах. Гр. Чернышев, директором оркестра тайный советник князь П.Н. Трубецкой, капельмейстером – баронесса Е.И. Черкасова, музыкантами в оркестре были: князь П.И. Репнин, А.А. Нарышкин, тайный советник А.В. Олсуфьев и многие другие вельможи двора. На театре давали сочинение де ла Гранжа комедию «Le contretemps» (помеха); действующими лицами в комедии были: князь Щербатов, две дочери хозяина, графиня Чернышева, граф Сольмс, прусский посланник, граф Строганов и другие высокие особы; в заключение дана

была комедия Клюзака «Зенеида»; в числе актеров был и цесаревич, графиня Шереметева и две графини Чернышевы; на четырех лицах, в ней игравших, было бриллиантов на два миллиона рублей. Но особенно великолепный праздник граф Шереметев дал в честь императрицы в своем подмосковном имении Кускове, во время проезда ее через Москву из Крыма. В этот день по дороге из Москвы до села были устроены арки и триумфальные ворота с аллегорическими эмблемами и надписями; в устроенных над ними галереях во время проезда царицы гремели трубы и литавры. Граф с семьей встретил государыню на границе своего села, при въезде в которое были устроены ворота ионического ордера, расписанные под мрамор, белый с красным, с затейливой золотой резьбой и с четырьмя золочеными гербами, изображавшими Нептуна, Аполлона, Марса и Меркурия. Внутри ворот изображена была летящая Слава с трубой, вокруг которой надпись гласила: «Течением приумножает славу свою»; на боковой стене верхняя картина представляла город и часть моря, озаренные солнечным си-

нием; в середине их – вензелевое имя Екатерины с надписью: «Лучами своими озаряет». Другая, нижняя картина изображала в окружности цирка пьедестал в виде большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга, озаглавленная «Учреждение законов», щит, шлем и меч, связанные лавровым фестоном, с надписью: «Утверждают и охраняют». На другой стороне верхней картины было изображено солнечное сияние с вензелевым в середине именем государыни, а под ним в перспективе город Москва с надписью: «Веселящаяся присутствием», нижняя картина изображала в перспективе Кусковский сад, часть оранжерей и мраморный обелиск. Наверху ворот – галерея, на которой во время проезда государыни играла музыка. Пред воротами по обе стороны находились вызолоченные цирки с нишами, в которых были поставлены померанцевые и лимонные деревья, обремененные плодами. За каретами царицы иностранных посланников и придворных тянулся нескончаемый ряд экипажей почетных гостей. Когда императрица подъехала к селу, ее салютовали пушечною пальбой с берега пруж-

да, с яхты и других судов, красиво испещренных разноцветными, полоскающимися в воздухе флагами. На шоссе выступили попарно кусковские жители, одетые в цвета графской ливреи, с корзинами, полными цветов; за ними шли девицы в белых платьях, с цветочными венками на головах, и устилали путь царицы живыми цветами. Государыня осмотрела весь дом графа, затем отправилась садом в новопостроенный для этого случая театр, в котором была представлена опера: «Самнитские браки с балетом». Вечером сад был ярко иллюминирован, в нем горел шит с изображением имени Екатерины II и парящей над ним Славы. Шумящие каскады были тоже в огне, на большом озере стояла на якоре раззолоченная шестипушечная яхта, качались шлюпки, ходили по воде челноки, ботики, гондолы с разноцветными флагами; по водам также разъезжали песенники в русских костюмах. Перед фейерверком Екатерине поднесли голубя; с ее руки полетел он к щиту, и осветилось все Кусково. После всего государыня пошла в покои, где играла в карты; в 11 часов был сервирован в галерее роскошный

ужин на 60 кувертов, с золотыми ложками, тарелками и проч. Перед государыней стояло [4] изображение горы с каменной руиной, украшенной алмазами, изумрудами и жемчугами; вазы и другие украшения были осыпаны бирюзой, рубинами и другими драгоценными камнями. Во время стола гремела музыка, и пел хор певчих.

На возвратном пути в Москву дорога ярко была освещена плашками и смоляными бочками. Когда государыня въезжала в Москву, били уже утреннюю зарю.

Так же необыкновенно великолепен был праздник, данный в честь императрицы Шляхетным кадетским корпусом в 1775 году по случаю мира с Портою, заключенного в этом году. Описание этого аллегорического праздника мы берем из редкого периодического издания того времени «Journal de litterature et choix de musique», выходившего в 1783 году в Цвейбрюккенском герцогстве; вот перевод описания:

«Один только рассказ об этом чудесном празднике уже дает возможность верить в великолепие публичных игр, устраиваемых

древними греками и римлянами; но заглянув в это описание волшебства, которое мы сейчас представим читателям, остается только изумиться блестящему воображению устроителя праздника. Каков же был эффект при выполнении всех его предначертаний![5]

Везде, как и в России, для исполнения подобного праздника можно найти декораторов, архитекторов, музыкантов, актеров, машинистов, но что является в этом случае единственной принадлежностью Петербурга, это 700 молодых дворян, обученных декламации, искусствам плавания, верховой езды, единоборства и прочим телесным упражнениям, введенным у древних народов. Эти молодые люди и были главными исполнителями празднества, к ним присоединили еще 300 других лиц, что составило вместе 1000 человек, которыми господин Пошэ и воспользовался с редким уменьем.

Посреди площади, более обширной, нежели Тюльерийский сад, был по плану господина Пошэ выстроен вокруг центрального пункта амфитеатр, настолько удобный, что все зрители в количестве 1200 человек могли, не

оборачиваясь и не двигаясь, видеть все, что происходило во всех концах этой обширной окружности. Центральным пунктом, по сторонам которого воздвигалось это строение, являлась триумфальная колонна в 5 футов вышины, украшенная вверху статуей богини Славы, окруженной знаменами и значками, отнятыми у турок. Богиня при звуке трубы давала сигнал к началу упражнений, предписанных актерам и статистам. К амфитеатру вели четыре аллеи, обнесенные перегородками из земли, в промежутках которой на известном расстоянии были поставлены статуи и вазы, наполненные апельсинами и другими фруктами. Аллеи эти освещались гирляндами разноцветных огней. Амфитеатр, видимо, подавлял своим величием повергнутые около него аллегорические фигуры Лживой политики, Мора, Пожара и Возмущения, изображенные в страдальческих Положениях.

Зрелище (или, вернее, четыре отделения зрелища), устроенное два раза в течение июня месяца, начиналось в полночь, под сводом неба, бывшего в то время, по счастью, чистейшего лазоревого цвета и покрытого звезд

дами. Взор зрителя не отвлекался по сторонам благодаря устройству амфитеатра, позволявшего видеть только то, что было перед глазами.

1-е аллегорическое зрелище[6]

При звуках трубы, возвещенных богинею Славы представлялась среди выполненных артистически украшений обширная арена, изображавшая остатки развалин храма; вокруг их поверженные колонны, вазы и подножия занимали сцену. Одна только статуя находилась на своем пьедестале – это эмблема Любви к отечеству. В глубине театра возвышались горы, покрытые деревьями, колеблемыми ветром.

Аполлон, осужденный стеречь стадо Адмета, услаждает скуку своего нового положения, оказывая всевозможные благодеяния. Соседние пастухи, наученные его примером, живут счастливо и безбоязненно под сенью мира. Их невинные сердца, тронутые благодеяниями Аполлона, воздают ему почтение, тем менее льстивое, что они не подозревают его божественного происхождения. Пастушка Сильвия, украшенная всеми дарами природы, воз-

буждает в Аполлоне живейшую страсть, отвечая ему взаимною нежностью. Любовники уже готовы увенчать свои стремления пред алтарем любви к отечеству, как вдруг в самый момент торжества они видят себя разлученными Лживой политикой, которая, завидя их счастью, вооружила против них всех фурий ада. Вдруг статуя Любви к отечеству оживает и, став во главе Витязей благодарности, берет на себя защиту любовников; она побеждает чудовищей и приковывает их к колоннам храма. Эту минуту богиня судьбы находит удобною, чтобы возвратить Аполлону его божественное начало: счастье бога искусств оказывается совершенным, — тем более, что в Сильвии он узнает богиню Благополучия, которая укрылась под видом пастушки, чтобы разделить участь любимого ею бога, с которым она и соединяется навсегда. Между тем театр украшается иллюминированными транспарантами; колонны, вазы, пьедесталы и другие остатки храма благополучия внезапно поднимаются, занимают старые места и образуют триумфальную колоннообразную галерею, украшенную трофеями.

Горы исчезают и заменяются триумфальной аркой, образующейся при звуках марша, в продолжение которого группы рыцарей в торжественных колесницах увлекают за собой в своем шествии Лживую политику и закованных в цепи фурий. С одной стороны виден корабль, ведомый тритонами; это новый памятник славы, воздвигнутый в честь богини Благополучия. Богиня вместе с Аполлоном замыкает шествие. Она садится на колесницу, сделанную в виде плуга и запряженную четырьмя белыми быками, руководимыми Любовью к отечеству. Этот блестящий кортеж окружен 400 рыцарей, сидящими на поддельных лошадях, удививших зрителей правдивостью и точностью их движений.

Эпизод этот оканчивался соединением обоих любовников у алтаря Любви к отечеству, помещенному под триумфальной аркой. Празднуя счастливое событие, большинство рыцарей исполнило воинственные танцы при многократных возгласах Витязей благодарности, в разгар их игр в виду всех появился двуглавый орел, спускавшийся над аркой с августейшим вензелем Екатерины II, окру-

женным лавровыми листьями и гирляндами, которые и образовывали вокруг триумфальной арки некоторый род балдахина.[7]

2-е аллегорическое зрелище

При звуках трубы «Славы» амфитеатр с 1200 зрителей поворачивался вокруг своего центра и направлял взоры зрителей на новую арену, на которой изображался балет-пантомима следующего содержания, сходного с аллегорическим смыслом с воспитанием его императорского высочества великого князя, его женитьбой и учреждением новых губерний, созданных мудрыми предначертаниями Екатерины II.

Театр представлял храм бога искусств, в котором находилось несколько гениев, приведенных в уныние и обессиленно склонившихся перед своими начатыми созданиями, представлявшими ряд аллегорических фигур, извлеченных гениями из глыб мрамора.

Богиня Благополучия, которую несчастья разлучили с детьми, питомцами Аполлона, находит по своем возвращении гения.

Заслуги (аллегорический намек на его сиятельство князя Панина, воспитателя великого

князя), который, как новый Пигмалион, оказывается влюбленным в свое произведение. При виде богини вдохновение артиста в нем пробуждается; он показывает богине свою работу: изображение гениев Правды и Добродетели, находящихся в объятиях друг друга и изваянных славным скульптором из лучшего паросского мрамора. Гений Заслуги высказывает богине желание видеть ожившим свое произведение. Богиня Благополучия, взяв лиру у Аполлона и вдохновленная тремя грациями, дает жизнь произведению гения Заслуги. Следуя примеру богини, Аполлон оживляет все статуи, наполняющие театр. Эти новые питомцы богини Благополучия окружают ее; Аполлон и грации образуют картину благодарности; они держат в руках знамена с изображением на каждом герба какой-нибудь губернии. Тогда храм Аполлона превращается в великолепный транспарантный сад, украшенный каскадами и фонтанами; показывается богиня Изобилия, дочь богини Благополучия, сопровождаемая 24 гениями, которые обогащают своими дарами алтарь богини.

3-е аллегорическое зрелище

Удивительное упоение зрителей прервалось опять сигналом, данным богинею Славы, вследствие которого амфитеатр вновь обернулся около своего центра к третьей сцене. Там было изображено Марсово поле в виде цирка; арена длиною в 700 футов оканчивалась тронем в китайском вкусе, на котором помещалась богиня Благополучия с двумя питомцами. Заслуги по бокам и окруженная толпой мандаринов, бонз и т. п.

Игры, служившие основанием этому новому зрелищу, представляли повторение тех упражнений, которые входили в программу воспитания кадетов корпуса и которые были введены в это заведение господином Пошэ. Сцена освещалась 200 хрустальными люстрами с 25 свечами в каждой. Цирк был украшен с правой и левой сторон арками, между которыми на скамьях помещались витязи благодарности, принимавшие участие в первом зрелище. Посреди цирка питомцы благополучия занимались всевозможными упражнениями, сгруппированными таким образом, что все зрители в одно и то же время наслаждались их лицезрением.

Одни из них старались перескочить через ров в 15 и 20 футов ширины; другие молодые люди вступали в единоборство или состязались в фехтовании; некоторые бросались одетые в пруд, стремясь взобраться первыми на скользкие мачты, воздвигнутые среди пруда; и они возвращались оттуда, неся в руках стрелы, пущенные их товарищами в чучела птиц, прикрепленных к мачтам высотой в 60 футов.

Это гимнастическое состязание сопровождалось каруселью, во время которой воспитанники гарцевали на настоящих лошадях, стараясь вызвать благосклонный взгляд или рукоплескания их благодетельницы.

Празднество заканчивалось раздачею наград, которые были розданы получившим их самой богиней, выступавшей вперед с своим кортежем при звуках цимбалов. Любовь к отечеству и бог Искусств сопровождали это блестящее шествие, имея в главе гения заслуги и воспитанников, удостоенных награды.

4-е аллегорическое зрелище

Радостные возгласы были прерваны звуком трубы богини Славы, по знаку которой

амфитеатр в последний раз обернулся к новой стороне зрелища, долженствовавшего должным образом увенчать этот волшебный праздник.

Театр представлял храм Януса, смежный с храмом Моды. В нем была представлена небольшая лирическая комедия сочинения господина Пошэ под названием «Мода, личина коей сорвана гением любви к отечеству». 24-летнее пребывание автора в России дало ему возможность изучить эту страну и передать ее дворянству несколько полезных идей, могущих принести добрые последствия.

По смерти императрицы Елисаветы финансовое положение государства было в большом беспорядке. Любовь к роскоши и страсть к игре вошли в обычай у знатнейших фамилий империи, всегда готовых следовать примеру двора. Императрица Екатерина II по восшествии своем на престол решилась заняться искоренением этих злоупотреблений; но чтобы вернее от них избавиться, надо было найти способ искусно на них подействовать. Тогда-то и родилась идея устроить знаменитый аллегорический и сатирический маскарад,

под названием «Извращенный мир», составление программы которого было поручено господину Пошэ. Там можно было видеть колесницы, запряженные ослами, волами, свиньями, сопровождаемые обезьянами, и более 1000 лиц, представленных в смешном виде: судей, переодетых лисицами, офицеров – сурками, купцов – щеголями и наконец ворон и коршунов, разрядившихся в павлиновые перья и т. п. Аллегория эта являлась в слишком мягком виде, чтобы раскрыть глаза русскому дворянству относительно его смешной страсти к моде и других пороков; беспорядочность оставалась по-прежнему, несмотря на постоянные усилия императрицы вырвать с корнем обычаи, могшие послужить к разложению нации. Славная повелительница поставила, наконец, себе за правило: удаивать своей благосклонностью только лиц, заслуживших это, и устранять от дел и занятия почетных постов тех лиц благородного сословия, которые были заражены пороками прежней придворной жизни.[8] Правило это послужило основанием комедии «Мода, личина которой сорвана любовью к отечеству». Вот ее фа-

була:

Меркурий, завидуя могуществу Благополучия и не имея возможности помешать счастью Аполлона, у которого он успел только с помощью бога Момуса похитить лиру, решается из жажды мести развратить нравы подданных Благополучия. Мода, будучи предметом их поклонения, является в самом прихотливом виде. Ее несут на богатом паланкине, взятом в долг и никогда не оплаченном; голова ее украшена самыми пахучими цветами; она шествует в сопровождении Момуса, превратившегося в ее управляющего, жаждущего ее же разорить, наемного адвоката, картежника-офицера, лживого храбреца, лихоимца и взяточника-таможенника; этот кортеж замыкают эмпирики и аптекари, представляющие все вместе поклонников Моды, приобретенных ею во владениях Благополучия.

Является бог Любви к отечеству, держа в руках зеркало истины. Он подходит к питомцам Благополучия, ослепленным модою. Возвратив им зрение, он разбивает аптекарские сосуды и извлекает из них огни оливкового цвета, отражающиеся на лицах поклонников

моды. Он пользуется этим моментом и представляет им зеркало истины. Устыдясь видеть себя в непривлекательном и смешном виде, они отрекаются от своего заблуждения и при радостных восклицаниях насмеваются над модой и ее единомышленниками, которые со стыдом удаляются, видя себя уличенными в глупости в то время, когда надеялись быть повелителями. Любовь к отечеству освобождает из цепей лиц, возвращенных им к истине, и предлагает одной из особ собрания основной конец гирлянды, служившей им целью. Вдруг внезапно по искусному знаку, непостижимому даже для особы, взявшейся за гирлянду, глубина театра воспламеняется и образует фейерверк из китайских огней, изображающих разрушенный храм Моды. Этот фейерверк оставляет место для статуи Петра I, изображенного в виде Конфуция как законодателя империи. Это новый памятник, воздвигнутый Любовью к отечеству в честь Благополучия.

В то время, как более четверти часа продолжался фейерверк, Любовь к отечеству и ее новые сподвижники пригласили собрание

сойти с амфитеатра и повели зрителей, как бы желая дать им возможность опомниться, под своды, иллюминированные разноцветными огнями. Когда зрители были приведены к концу этой темной аллеи, бог вручил ключ фельдмаршалу князю Голицыну. Тот отпер дверь, и собрание вошло в ротонду, разделенную на 12 зал, представлявших 12 знаков зодиака. Там находились столы, покрытые редкими яствами, фонтаны и каскады, бывшие прохладительными напитками. Но что представляло в данном случае верх иллюзии, так это новая триумфальная арка, воздвигнутая над ротондой в форме галереи, где можно было видеть всех лиц, действовавших в исполнении праздника.

В это время музыка пригласила желающих к танцам; и в течение двух дней, как продолжалось вышеописанное зрелище, собрание не расходилось раньше зари.

В программе находятся некоторые подробности, упущенные нами, и с небольшой помощью воображения читатель может себе представить все волшебство картин, только что описанных нами».

Последний из каруселей на открытом воздухе был дан при Александре I в Москве, на обширной равнине, против Александрийского дворца и сада Нескучного:[9] здесь был выстроен огромный амфитеатр с галереями и ложами для пяти тысяч человек, в окружности до 350 саженей. В назначенные дни зрители, почти из одних дворян, по билетам наполняли амфитеатр; а кругом его стечение народа бывало до 30 000 человек. По первому сигналу главные ворота в цирк отворялись, и рыцарские кадрили, каждая с особенною своею музыкою, выезжали из ближайшего дворца и в виду народа, восхищавшегося таким необычайным зрелищем, приближались к воротам. Все рыцари, составлявшие кадрили, были верхами на лошадях редкой красоты, с богатыми чепраками. Одежда их поражала зрителей своим вкусом и великолепием. Почти на всех блистали драгоценные камни. Проехавши несколько раз кругом лож и галерей, рыцари производили свои турниры с копьем, на всем быстрейшем скаку копьями попадали в цель и повешенные небольшие кольца. Много было и других эволюции, со-

вершаемых с необыкновенным искусством. В этом особенно отличались Всеволод Андреевич Всеволожский и Алексей Михайлович Пушкин. При кадрили Всеволожского был хор музыкантов, едва ли не первый тогда в России. Его сравнивали даже с оркестром князя Эстергази в Вене, где был Гайдн капельмейстером. Хором Всеволожского управлял известный в то время Мауер. Правила карусели были заимствованы из исторических сведений времен Людовика XIV. При нем, как известно, карусели были любимым занятием высшего дворянства. В них участвовал и сам король, поражая всех своим искусством и богатством наряда.

Устройство московской карусели произведено с высочайшего соизволения генералом от кавалерии Ст. Ст. Апраксиным, об устройстве которой и правилах первый подал мысль он сам; жена его, Екатерина Владимировна, была избрана для раздачи отличившимся рыцарям приличных призов при звуке труб и литавр.

Рыцари подъезжали к ложе госпожи Апраксиной, салютовали своими копьями и

получали из рук ее назначенные призы.

При императрице Екатерине II каждую пятницу при дворе бывали маскарады, на которые допускались все, кто имел право носить шпагу, впрочем, купечеству отводилась особая зала, но она имела сообщение с дворянской, и не запрещалось купцам ходить по другим комнатам.

От двора к каждому маскараду раздавалось до четырех тысяч билетов; в 6 часов пополудни публика начинала съезжаться; сама императрица имела обыкновение туда приходить в седьмом часу и, поговорив с некоторыми вельможами садилась за карты; в девятом часу она обыкновенно удалялась во внутренние покои. Во втором часу ночи маскарад кончался. Во время маскарада публике разносились разные напитки, закуски, конспекты и проч.

Особенно большою непринужденностью пользовались маскарады в Царском Селе. Это случалось более зимой; здесь давался особенный род маскарадов, в которых мужчины наряжались в женское платье, а дамы – в мужское. Узкий мужской костюм отлично обрисо-

ывал красивые женские формы, девственная скромность исчезала под свободными приемами мужчины, и, наоборот, прямой мужской стан отлично приходился к молдавану и роброну. На таких маскарадах необыкновенно красив был в женском наряде известный приближенный Екатерины II Гр. Гр. Орлов.[10]

Весьма оживленные и веселые такие маскарады давались в Эрмитаже, которые носили название «Сюрпризы»: соберутся придворные, подойдут к театру, видят двери запертыми, с надписью на них: «Поворотить женщинам вправо, мужчинам – влево». Там гости находили платье двух цветов – пунцового и белого цвета, и вместо ожидаемого спектакля шли в маскарад. Иногда придворные получали весьма странные костюмы, их наряжали кого ветряною мельницею, кого – башнею, хижиною, кого – купцом, евреем, молочницею, гости, встречаясь, друг друга не узнавали. Однажды все явились на ужин и заняли места, слуги суетились, но раскрытые блюда оказались пустыми. Императрица встала с неудовольствием, гофмаршал был нем от испуга и

оплошности кухни. Императрица обратилась к великому князю Александру Павловичу и сказала.

– Так мы пойдем к тебе, я есть хочу.

– У нас, – отвечал великий князь, – приготовлены кушанья только для нашего малого двора, мы вряд ли можем угостить все общество!

– Нет нужды, – проговорила императрица. – Мы разделим по куску.

Все общество направилось и нашло роскошный ужин с великолепными парадными блюдами.

Во время Шведской войны в день придворного маскарада было получено неприятное известие, и, чтобы не прервать вечера и скрыть несчастье от публики, императрица посылает за графом Строгановым.

– Я уверена, – говорит она, – что ты исполнишь, что я тебе прикажу.

– С усердием, государыня. Что прикажете?

– Садись же, подавайте скорее.

Приносят женское платье, убирают ему голову, граф не понимает, что бы это значило.

– Иди теперь в маскарад, – говорит импера-

трица. – Дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Граф повиновался и расхаживал по маскараду величавою дамою, и все принимали его за царицу.

Но особенною прелестью в то время были для наших вельмож так называемые вольные дома с маскарадами, их посещали как все знатные обоего пола, так и вся простая публика, маскированная и без масок. По словам Энгельгардта, императрица очень часто инкогнито, замаскировавшись, в сопровождении А.Д. Ланского, статс-дамы графини Браницкой и камер-фрейлины Протасовой посещала вольные маскарады. На последние приезжала она в чужой карете и всячески старалась скрыть себя, но полиция всегда узнавала государыню и ее свиту. Многие не догадывались или с намерением шутили, прыгали перед нею. Государыню это очень забавляло и смешило, иногда ей очень доставалось от тесноты. Павел Сумароков рассказывал: «Однажды императрица уселась подле знакомой госпожи Д-ской, которую очень жаловала и допускала к себе в кабинет, государыня, переменяв

голос, вступила с ней в разговоры и долго ее интриговала. Последняя, стора от любопытства, желала узнать, кто ее интригует, и кого ни назовет, все получала отрицательный знак головою. Наконец потеряв терпение, срывает маску с императрицы и, пораженная открытием, сильно смутилась и оробела. Императрица тоже не менее была удивлена дерзким поступком.

– Что вы сделали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! – проговорила государыня, затем встала и тотчас же уехала из маскарада. Смелая дама навек потеряла благоволение императрицы.

Не касаемся описания тех торжеств, что давал в своем Таврическом дворце князь Потемкин. Один последний праздник, устроенный им, походил на воссоздание сказок Тысячи и одной ночи, одного воска в свечах и шкаликах сожжено было на 70 000 руб., так что воска, бывшего в Петербурге, не достало, и за ним по почте посылали в Москву. На этом празднике, по описанию, танцевало двадцать четыре пары из знатнейших фамилий, в костюмах, украшенных бриллиантами, которые

В итоге стоили десять миллионов рублей. Сам Потемкин имел на голове шляпу, которую по тяжести от бриллиантов не мог надеть, и ее носил за ним в руках один из его адъютантов. Несмотря на такие роскошные частые празднества, тогдашнее высшее общество очень любило «вольные дома»; здесь оно освобождалось от оков этикета и вполне предавалось веселости и шалости, конечно, не выходя из пределов приличия. Грибовский в своих воспоминаниях рассказывает про канцлера графа Безбородко, что он был большой охотник там проводить свое время и почти ежедневно по выезде из дворца после доклада императрице надевал простой сюртук и такую же шляпу, пускался в такие дома, в общество прелестниц, которых покидал только тогда, когда видел подобного себе гостя. Грибовский говорит, что он был один из первых деловых людей, которые в то время подавали другим пример к вольной жизни.

Лучшие маскарады и вечера такого сорта в то время бывали на Мойке, как мы выше уже говорили, в увеселительном саду Нарышкина.

Основателем их был известный поддиректор императорских театров барон Ванжура. Здесь каждую среду и в воскресенье давались праздники и маскарады с танцами, с платою по рублю с персоны. Вечера начинались с восьми часов вечера. Посетители могли приходить в масках и без маски. В зале для танцев играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытом театре давали пантомимы и сожигали фейерверки.

Иногда здесь шли и большие представления, как, например, «Капитана Кука сошествие на остров, с сражением, поставленным фехтмейстером Мире», или «Новый год индейцев», народные пляски и т. д. При этих представлениях публика платила два рубля. Здесь показывали свое искусство «путешествующие актеры и мастера разных физических, механических и других искусств, музыканты на органах и лютне, искусники разных телодвижений, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди со львами и другими редкими зверьями, искусными лошадьми, художники потешных огней» и т. д.

Затем еще публичные маскарады устраивали в большом каменном театре машинист Домпиери и танцовщик Ганцолес. Последние о днях маскарадов извещали публику афишами; приводим одну из таких афиш: «Машинист Домпиери и танцовщик Ганцолес, уведомляя почтенную публику, что первый их маскарад будет октября 14-го дня, просят покорнейше удостоить оный своим благосклонным посещением. Начало будет в 6 часов, за билеты платят по 1 рублю; паркет поднимется наравне с театром, так что будет одна просторная китайская зала, убранная и освещенная великолепнейшим образом, по сторонам которой будут разные покои, как то: залы для контратанцев, горница для игранья в карты, иные для напитков, другие – со столами для ужина, иные – с лавками для продажи маскарадных платьев, масок, перчаток и прочих галантерейных вещей. Если кто пожелает иметь особенный ужин, то может оный заказать у Надервиля, содержателя французского трактира „Париж“, заблаговременно».

Танцы в этих публичных маскарадах начинались польским *открытым* (как говарива-

ли), за польским следовали: *очаковская кадрили*, *штейн-басс*, чудный веселостью *контратанец*, с превычурными балансеями.

Для выучки этих танцев требовались тогдашние профессора хореографических выправок и балансеев, разные господа Сабиоли, Коссели, Парадиз, Морели. Далее в наших танцах следовали кадрили французские, точные балеты, менуэты *a la Reme* (королевы), по правилам танцевального искусства которых ранее не начинали, как после трех церемониальных поклонов даме; во время же танцев едва касались пальцами ее пальцев, а когда оканчивали, то изъявляли свою благодарность, целуя ей руку. Затем следовали простые *польские*, *горлицы*, *аллеманы* и *круглый польский* с эластическим расшаркиванием, с премудрыми выгибами ног, приседаниями, поклонами и проч. В конце концов танцы, по обыкновению, заключались *Метелицею* или *Татьяною*; здесь уже пары выступали особенные, выряженные русскими молодками и молодцами. Это, впрочем, не были простые смертные, а часто титулованные особы, ученики и ученицы известного в свое время рус-

ского Вестриса, танцора Бублика.

В первых годах нынешнего столетия в Петербурге маскарады славились у Фельета. Здесь, на месте нынешнего здания Главного штаба стоял построенный полукругом величественный дом графа Кушелева; в этом доме был театр с роскошными комнатами. Это был Пале-Рояль в миниатюре; лучшее петербургское общество здесь танцевало и проводило время, ресторатором здесь был француз Тардина, цены у него на вино и кушанья были весьма дешевы. Так, за бутылку красного вина платили 30 коп. и за жареного рябчика 20 коп. В этом же доме были лучшие иностранные магазины в столице.

Не менее превосходные маскарады в Екатерининское время давались в роскошном доме на углу Невского и Екатерининского канала, в доме, теперь принадлежащем Учетному банку.

В начале двадцатых годов придворные маскарады в Зимнем дворце составляли тоже эпоху. Более тридцати тысяч билетов раздавалось желающим быть в этом маскараде. По разнообразию костюмов и многочисленности

посетителей маскарада подобного не бывало. С восьми часов вечера бесконечный ряд великолепных комнат дворца открывался и в какой-нибудь час времени заполнялся пестрою толпою. Черкесы, грузины, армяне, татары в национальных костюмах, толпа купцов с окладистыми бородами, в длиннополых сибирках и в круглых шляпах, с женами и дочерьми в парчовых и шелковых платьях, в жемчугах и бриллиантах, офицеры, иностранные посольства, в парадных мундирах, и присутствие монарха с августейшею фамилиею и двором – все это делало такой маскарад вполне торжественным. Государь являлся всегда приветливым хозяином и удостоивал некоторых посетителей разговором и вниманием.

Во время маскарада раздавался желающим чай, мед и разные лакомства. В маскарадах этих царствовал необыкновенный порядок, сохранялся он без содействия полиции, которая сюда не допускалась. В тридцатых годах имела большой успех в интеллигентном обществе маскарадная затея следующего содержания. Несколько молодых людей разучива-

ли одно из действий комедии «Горе от ума», преимущественно третий акт, и в костюмах и масках разъезжались по городу в каретах, с шестью или семью музыкантами и, останавливаясь перед освещенными окнами своих хороших знакомых, посылали хозяевам свои визитные карточки с надписью: «3-е действие „Горе от ума“». Молодых людей приглашали войти; замаскированные являлись с своим оркестром, разыгрывали акт и оканчивали вечер веселыми танцами.

В сороковых годах блестящие маскарады давались в дворянском собрании и в Большом театре; такие бывали ежегодно на Масленице и раннюю весною. Сюда относится так называемый маскарад томболо.

В последнем в час ночи на особой эстраде при звуках труб разыгрывали разные галантерейные вещи. Этим маскарадом оканчивались до осени бальные маскарадные собрания петербургской публики. К вышесказанному мы находим бесполезным присовокупить, что первые маскарады в России введены императором Петром Великим по случаю мира со шведами в 1721 году; они продолжа-

лись тогда при дворе семь дней сряду. В смысле святочных игр и переодеваний маскарады были еще известны при царе Иоанне Грозном. Маскарады в Европе вошли в обыкновение в 1540 год; ученик Микеланджело Границци устроил первый такой торжественный маскарад в честь Павла Эмилия. Слово «маскарад» заимствовано с арабского «мушкара», что в переводе значит «шутка».

Примечания

Известный строитель Царскосельского театра, затем сцены Эрмитажного и Большого театров. Убытки при кладке фундамента государственного банка довели этого художника до сумасшествия, и он покончил с жизнью, бросившись в Фонтанку близ Летнего сада, по смерти его императрица запретила употребление машин на театрах.

[^^^]

Это описание было выпущено в крайне ограниченном количестве экземпляров. Краткие перепечатки из него были в «Маяке» 1840 года и «Москвитянине» 1850 года. Все перепечатки неполны и сделаны с большими пропусками. Мы воспроизводим теперь полностью из имеющегося у нас экземпляра этой редкой книжки.

[^^^]

Этот маскарад стоил жизни его автору Ф.Г. Волкову. Разъезжая верхом для наблюдения за порядком маскарада Волков сильно простудился и слег в постель. Он скончался 4 апреля 1763 г. См. Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб. 1772. С. 40.

[^^^]

Граф Комаровский в своих записках говорит: «Что на этом великолепном празднике более всего меня удивило, так это – плато, которое поставлено было пред императрицею за ужином; оно представляло на возвышении рог изобилия, все из чистого золота, а на возвышении том был вензель императрицы из довольно крупных бриллиантов». (См: Восемнадцатый век. Ч. 1. С. 322).

[^^^]

«Остроумный изобретатель этого праздника, руководивший и его исполнением господин Пошэ, бывший директор общественных удювольствий в с.-петербургском Шляхетном кадетском корпусе, в настоящее время состоит на службе его светлости владетельного герцога Цвейбрюккенского в качестве директора французской школы малолетних чужеземных комедиантов, о котором нам уже приходилось говорить в № 1 нашего журнала, от него-то мы и получили план празднества» (примеч. «Journalde litterature»).

[^^^]

«В этом аллегорическом зрелище, равно как и в трех следующих, господином Пошэ для довершения очарования, введены, во время важнейших моментов действия, лучшие отрывки из опер господ Глюка, Филидора, Пиччини, Монсиньи, Флокэ и Рудольфа; отрывки эти исполнялись оркестром из ста музыкантов» – (примеч. «Journal de litte'rature»).

[^^^]

«Благодеяния императрицы Екатерины II, оказываемые подвластным ей народам со дня ее вступления на трон, и составляют главное основание сюжета этой аллегии. Война, мир, пожары и наводнения, разорившие ее империю, прекратили на время благодеяния, которыми она всегда наделяла иностранцев равно так и покровительство, оказываемое ею изящным искусствам, автор делает здесь намек на все эти случаи и прославляет возвращение благоденствия для изящных искусств и общественного благосостояния» (примеч. «Journal de Utterature»).

[^^^]

«Некоторые из них доходили до такого самозабвения, что натирали оконечности пальцев пемзой для приобретения более нежного ощущения во время игры в карты; другие же из боязни кары, предназначенной против всех игроков, не осмелясь прибегать к игре в карты, придумали способ держать пари на быстрый бег тех отвратительных насекомых, даже названия которых избегают в наших странах. Стол заменяет песчаную равнину. Для этих бегунов в новом роде; игла, вбитая в середину стола, является достойным барьером в их соревновании. Один молодой русский умел так искусно готовить подобные иглы, уснащенные помадой, что из множества банков, которые выкладывались по этому поводу, две трети выигрыша выпадали на его долю» (примеч. «Journal de litterature»).

[^^^]

Описание берем из «Московских ведомостей»
1811 года.

[^^^]

В 1742 году вышел указ, как ездить в маскарады: «В хорошем, а не в гнусном платье – телогреях, полушубках и кокошниках», нечиновным запрещено было носить шелковую подкладку, только первые 5 классов могли носить кружева. Знать приглашалась иметь по больше лакеев, 1-й и 2-й классы должны были иметь от 8-ми до 12-ти лакеев по 2–4 скорохода, по пажу и по два егеря. Лица 4-го класса должны были иметь по четыре лакея у кареты и т. д.

[^^^]